

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПАТРИК О'ЛИРИ

ЗОНА 51

Звезды научной фантастики

Патрик О`Лири

Зона 51

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

О`Лири П.

Зона 51 / П. О`Лири — «Издательство АСТ», 2022 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-167741-1

События в Розуэлле и Зона 51 уже давно стали предметом множества статей, книг, фильмов и теорий заговора о пришельцах и инопланетных технологиях на Земле. Но правда куда загадочнее и страшнее. Однажды зимней ночью 73-летний фотограф Адам Паньюкко помогает замерзающему бездомному человеку. В нем он далеко не сразу узнает Уинстона Купа, своего некогда лучшего друга по колледжу. Каждый из них пошел своей дорогой, и Куп попал в самый центр глобального заговора, ради сокрытия которого правительство США и запустило легенду о крушении НЛО в Розуэлле. Куп более шестидесяти лет заметал для властей следы и был очень хорош в этом деле, так как обладает необычной способностью: он может буквально забирать чужие воспоминания. Когда он неожиданно начинает изливать другу душу, Адам понимает, что иногда знание не только опасно, но и разрушительно. Ведь первый контакт все-таки состоялся, только он оказался очень странным, а в Зоне 51 действительно что-то есть, ее обитатели куда невероятнее всего, что может представить себе человек, и события давно минувших дней по-прежнему влияют на человеческие жизни самым жутким образом.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-167741-1

© О`Лири П., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Шафер – 2018	7
Бросили – 2018	9
Учебный курс алкоголизма – 1955	13
Оче-сука-видно – 2018	16
Выход – 1972	18
– 2018	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Патрик О'Лири

Зона 51

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова.
Дизайн обложки: Юлия Межова.

Published by permission of Tachyon Publications LLC (USA) and JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Copyright © 2021 by Patrick O'Leary
© Сергей Карпов, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Посвящается Сэнди

Тайны значат подавление, и историю часто подавляют с помощью насилия, затуманивают культурной апроприацией, намеренно уничтожают или переписывают в ходе колонизации, в многолетнем культурном газлайтинге. По определению «Википедии», «тайная история» – это ревизионистские толкования вымышленной или истинной истории, которую намеренно подавляют, забывают или игнорируют официальные историки.
Марта Уэллс. Речь на Всемирном конвенте фэнтези 2017 года

Я рассказал вам только 5 процентов того, что случилось.
*Ремонтник телевизоров. Гость*¹

¹ Имеется в виду фантастический телефильм о пришельцах Уильяма Шетнера Groom Lake, 2002. (Здесь и далее, если не указано иное, – прим. пер.)

Шафер – 2018

Это случилось через год после того, как Белый дом возглавила звезда реалити-шоу.

Я ехал домой с собрания АА, слушал привязчивую мелодию цирковой каллиопы из дурацкой рекламы (ну, сами знаете эти дурацкие джунгли – я имею в виду, джунгли, – которые потом из головы не выкинешь), ехал по Кэсс-авеню, Детройт, в самую холодную зимнюю ночь за двадцать лет. По ощущениям – ниже сорока. Забавно. Следующей песней по радио шла песня «В лесу»² Леона Рассела. И я вспомнил, как Рассел рассказывал, что спрашивал африканского певца, как сказать на зулу «потерялся в джунглях». А тот не понял, потому что, видимо, африканцы в джунглях не теряются.

Эстакады превратились в катки – из автомобильных глушителей навверх вырывались облака влаги и мгновенно застывали, – машины всюду скользили по черному льду. Чуть приоткроешь окно в ночь – и время от времени слышно такой визг шин и грохот металла, будто там бунты шестьдесят седьмого, если не хуже.

Детройтские зимы легендарны – влажные, серые и грязные; поэтому мичиганцы и переезжают во Флориду. Ветер гнал пар из канализационных люков на дорогу, перед лобовым вспорхнула стайка перепуганных дроздов – и привлекла внимание к силуэту тощего бродяги впереди: парусила на ветру зеленая военная форма, над длинной седой бородой вырывалось облачками кашля дыхание, хлопали резиновые сапоги, незастегнутые и жалкие. Он помахивал чумазой белой сумкой, набитой всеми его пожитками.

Я увидел, как он споткнулся и рухнул ничком на эстакаде над I-94, и тут же остановился. Пока до него добирался, думал, он уже помер. Не повезло. Перевернул его: глаза выпученные, борода вокруг губ замерзла сосульками, будто морской огурец в литорали. Прямо демонический Санта-Клаус, а воняло, как от бара в «счастливые часы».

Высокий черный мужик, когда-то в прошлом – явно красавец.

Я его посадил и сказал, что подвезу до ближайшей ночлежки Армии спасения. До сих пор передергивает от его голоса. Я хорошо запомнил ту ночь; этот голос я не забуду никогда. Думаю о нем уже годами и сомневаюсь, что смогу его передать. Так что давайте просто процитирую человека, который сказал красивее меня. Человека, который описывал совсем другой голос в рецензии для журнала о джазе. Ллойд, пианист из подвального хранилища завода по разливу «Кока-Колы». Вы с ним еще познакомитесь.

«Это был ночной голос – песнь тоски, поведенная призрачной мелодией помятого саксофона в неведомой тональности музыкантом в голой съемной комнате в большом городе, – искорка среди ночи. Дымит в дешевой алюминиевой пепельнице у незаправленной постели сигарета. Пульсирует в венах алкоголь. Он сидит босым на матрасе и ласкает своего последнего друга – потертую кривую трубу из белого золота, с перламутровыми кнопками и клапанами. Его голос выдыхает через инструмент в пустую комнату, щемящий звук поднимается с дымом, и тот вьется вокруг голой лампочки на потолке».

Неудивительно, что никто не слушает бомжей – кому захочется услышать такой-то голос?

А если вам странно, что я сам себя перебиваю и даю поговорить другим голосам, так привыкайте. Это не только моя история. Целый хор чудил жаждет быть услышанным. И каждый дождетс своей очереди.

– Спасение? – пробормотал незабываемым голосом старый бродяга. – Спасение?!

– Это тут рядом, – успокоил я его. Взял за загрубевшую руку и повел к машине. – В такую ночь любой бы поскользнулся.

² Out in the Woods, Leon Russell, 1972.

– Я не поскользнулся, – еле шевелил языком он, хмуро таращась на свой белый мусорный пакет. – Меня толкнули!

Я открыл для него дверцу со стороны пассажира, и он одарил меня подозрительным взглядом, но все-таки положил белый пакет на пол и подоткнул под сиденье, когда сел сам. Воняло от пакета ужасно.

– Имя-то как? – спросил он, когда мы наконец устроились в машине и он грел дрожащие руки над отоплением.

– Адам, – ответил я.

Я будто сказал «Моисей», или «Клод Рейнс», или «Спартак». Или все эти трое одновременно.

– Господи! Адам?!

– Точно, – сказал я. – Расслабься. Будем там через пять минут. – И тут же отвернулся к дороге.

Он начал сипеть/смеяться.

– Адам Паньюкко?

Я присмотрелся к нему.

– Я тебя знаю?

– Не уверен, – он рыгнул. – Помнишь мою свадьбу?

Я быстренько перебрал про себя целый список пьяных родственников – тех, кого видел только на свадьбе и больше нигде.

– Свадьбу?

Он долго и громко смеялся.

– Ага. Ты был моим шафером.

Бросили – 2018

Зовите меня Бомбой. Все так зовут.

Когда в грубых чертах того человека-горы наконец проступило знакомое лицо, я задался вопросом, не кажусь ли таким же незнакомцем ему.

Моим пассажиром оказался сам Уинстон Куп.

Уинстон Куп, мой лучший друг по колледжу. Он же – самый умный человек, что я встречал. О нем все говорили, что он далеко пойдет: знаменитость кампуса, Будущая Звезда. Выпускник с отличием. Все с отличием. Выдающийся бегун, поставил такие рекорды, что их до сих пор не побили. Уинстона Купа ждала слава, что бы он ни выбрал: языки, литература, химия, математика. А он взял, записался в армию, и отправился во Вьетнам. Наш последний контакт – когда он прислал свою статью в научном журнале. Что-то о переводе с вьетнамского.

А если подумать, я и правда припоминаю свой короткий хмельной тост на его свадьбе в Вегасе, десятки лет спустя, когда наши пути ненадолго пересеклись и мы работали в одном месте.

– Брак. Брак – это когда не умеешь жить один.

Как же все смеялись.

А потом, видимо, началась жизнь.

В общем, как и в первый вечер нашего знакомства, я привез его к себе в квартиру в детройтском пригороде. Потребовал, чтобы он принял душ. Сделал ему бутерброд, дал пару таблеток «Ибупрофена», постелил в гостиной. Он отрубился в мгновение ока и захрапел, как гроза. Сам я засыпал еще час.

Наутро я обнаружил, что многое из моей старой одежды – почти его размера. А за кофе он начал рассказывать, что с ним случилось. И уже скоро я вспомнил его манеру говорить.

От тех дней у меня остались странные отрывочные воспоминания. Его замученный голос. Пугающие шаги в комнатах, где я годами жил один. Как Куп раскладывает солистер на кухонном столе – шлепает картами по столешнице. Как Куп опирается на подоконник: глаза закрыты, греется на солнышке, будто довольный кот. Как плывут по коридорам незнакомые запахи. Как он рывкнул, когда я предложил сжечь его белую сумку с вонючими шмотками. Дрыхнувший Куп в моем кресле для отдыха перед мерцающим голубым светом телевизора. Как он до смерти меня напугал одним утром – сбрил свою санта-клаусовскую бороду и на секунду я принял его за незнакомца – точнее, решил, что его кто-то выследил.

И молчания.

Молчания я вспоминаю с облегчением. Потому что когда он говорил, его слова уничтожали все мое уютное ощущение покоя. После его слов не оставалось ничего. Мир был уже не тот, что я знал. Лишь развалины, выжженные на пути разрушений, который он проложил в стремлении свести последние счета.

В конце концов я понял, насколько он опасен, но было уже поздно – Вернулась наша дружба из прошлого. Я его уважал, я ему доверял – и да, я его любил.

И сказать по правде, я по нему скучал.

Под конец я понял, что мое единственное спасение – забыть. Выслушать его, да; не мешать, конечно, излить свою тяжелую историю, – ведь так поступают друзья. Но когда он закончил, я понял, что за угрозу он представляет. Я надеялся, наша дружба спасет меня от воспоминаний.

Знаю, знаю: вам пока еще ничего не понятно.

Обещаю: скоро поймете.

Тут дальше будет похоже на монолог. Но на самом деле это происходило урывками, с паузами, часами молчания. Днями сна. Еды и кофе. Я смотрел, как мой старый друг собирает свою жизнь по кусочкам. Начал он с конца – или, вернее сказать, с начала своего падения.

Начал он с того, как завершился его брак.

– Самое худшее, когда тебя бросают, – что тебя вычеркивают из собственной истории. Всю жизнь живешь в этой... сказке. В самой старой истории на свете. Ты мужчина и влюблен в женщину. Вы пара. Вместе. Вместе переносите все: приключения, ошибки, глупости, грипп. Учитесь любить друг друга в самые тяжелые моменты и ранить друг друга – в самые уязвимые. Учитесь прощению. Спотыкаетесь, взлетаете. Проходите через все. Понимаешь?

Я кивнул. Казалось, я понимаю.

– Потому что, конечно, это путешествие хреновое, зато ваше. Вместе. Ты это ценишь. Целыми днями носишь в себе улыбку любимой. Иногда только это и придает сил. Воспоминание о том, чем вы были.

Он почти улыбнулся. Будто почти прикоснулся к воспоминанию о счастье, хотя от самого счастья теперь не осталось и следа.

– Вот что такое брак. И ночь за ночью узнаете истории друг друга, закрепляете связь воспоминаниями. Вместе смеетесь. Делитесь секретами в темноте. Узнаете тайны тел друг друга – эти знакомые открытия никогда не надоедают. Будто сплетаетесь вместе, пока не станете единой тканью, как гобелен – как история ваших жизней. Я хоть сколько-нибудь понятно говорю?

Я сказал, что все чертовски понятно. По его лицу было видно, что натянутая паутина, уходящая в прошлое, нет-нет да звенит еще порой от удовольствия, ее дрожь еще до него доходит.

– Поездка на зеленое озеро, где она рассказала самое ужасное, что с ней случилось. Трехдневное молчание после дурацких истин, которое закончилось фантастическим сексом. Чертова дверь-сетка, которая все стучала и стучала, пока обоих не пробило на смех. Общие пустячки.

Тут он заплакал. И не мог продолжать еще два дня.

Помню, мы ушли с отвратительного фильма и сидели в холодной машине, пока она нагревалась. От дыхания запотело лобовое стекло.

К тому времени я уже не удивился, когда он ни с того ни с сего продолжил.

– Понимаешь, пока я находился внутри этой истории любви, я и не понимал, как мне повезло. Принимал самые важные вещи за должное. Я знал, зачем живу, к чему иду и за кого сражаюсь. Я был спасен.

Спасение. Опять это слово.

Лобовое стекло стало прочищаться. Куп продолжил:

– Меня часто не было дома из-за службы. За границей. И во всех приключениях по всему миру у меня в голове оставалась одна картинка, неподвижный и незыблемый факт. Но вот эта самая картинка счастливой семьи? В реальном мире она тем временем рассыпалась. Слышишь?

– Что?

– Птица.

– Вроде что-то было. Я думал, визг тормозов.

– Мне кажется, все же ворона. Обычно их в такой темени не слышно.

Какое-то время мы прислушивались к ночи.

– Ну и, может, однажды вечером, – продолжил он, – после очередной долгой поездки ты возвращаешься домой.

(Я заметил, как он перешел на второе лицо, словно это повсеместная вещь, которая может случиться с кем угодно.)

– И все меняется. Видишь в окно, как любимая говорит по телефону с кем-то еще, пока ты пьешь пиво на темном заднем дворе. Может, она превращается у тебя на глазах в прекрасное чудовище. Смеется. И ты видишь, как любовь обезоруживает ее лицо – морщинки радости, искорка предвкушения. И думаешь: точно так же она раньше смеялась со мной.

Запотевшее лобовое стекло медленно прояснилось снизу, словно поднимался занавес.

– А потом – страх. Как кошмарная песня, которую никак не выкинешь из башки.

И однажды тебя ставят перед фактом: она тебя больше не очень-то и любит. Конечно, так она не говорит, она добрый человек. Просто она сомневается; ей нужно подумать, ей нужно пространство для роста. И заверяет тебя, что, может, тебе так не кажется, но она не хотела тебя ранить.

И вот сегодня ты спасен изнутри истории своей жизни: чей-то возлюбленный, чей-то муж, чей-то лучший друг. Сегодня косишь газон и пробиваешь засор в туалете, а завтра вдруг уже изгнан: стоишь снаружи своей жизни, смотришь внутрь.

Будто конец осени – резкие заморозки. И становится только холоднее.

По ночам он замолкал – говорил, у него от этого кошмары. Говорил только рядом с окнами, откуда видно небо. Будто птица, которой всегда надо знать, что есть выход.

– Кровать пустеет. Тело как бы съезживается внутрь себя. Ты будто упал с большой высоты и теперь парализован. Или тело все еще падает, где-то там, наверху. Потому что оно точно не здесь. Здесь нет ничего.

Долгий взгляд на неторопливое облако.

– И иногда по утрам можешь только открыть глаза, таращиться в потолок, чувствовать это самое ничего и думать: а чью жизнь я живу? Это же не моя жизнь! Кто я теперь? Кто я, если не чей-то возлюбленный, не чей-то муж, не чей-то друг? – Он что-то вспомнил и покосился на меня. – У тебя тоже так было?

Я сказал, что да. Все в точку. Но не прибавил: где ты был, Куп? После аварии. Ты не позвонил. Даже не подумал – или подумал? Прислал открытку? Помню только, что мне его не хватало.

– И вот день за днем, – продолжил он, – теряешь историю своей жизни.

Наконец, Куп мог говорить, только когда мы ехали на машине. Без цели – вообще-то ему даже больше нравилось, когда мы просто набирали крейсерскую скорость и катались. Я видел: его утешает кокон голубого салона. Он почти всегда брал свой спасительный якорь – вонючую белую сумку со шмотками.

– Ну и начинаешь пить.

Сначала – чтобы заглушить боль. Потом, когда не помогает, ради забвения. Отрубаетесь в барах. Просыпаетесь в такси. Рассказываешь свою историю незнакомкам и потом с ними трахаешься. На утро уже не помнишь, как их звали. Идешь на работу с похмельем. И выживаешь. Но это только полжизни. Жизнь, которую не живут. Делаешь вид, будто живешь, а на самом деле ты выхолощенная оболочка.

– Я помню, – сказал я.

– И самое странное – никто даже не замечает! Друзья, соседи, коллеги – все стараются что-то сделать. Кто соболезнует. Кто говорит, что она им все равно никогда не нравилась. Но они все равно что мухи, только жужжат над головой. Уходишь на долгие миссии. Тянешь за ниточки, которые больше не может проследить никто. Посещаешь ужасно важные встречи с влиятельными людьми. Сообщаешь критически важные данные начальству. Тебе жмут руку. Дают медали. А потом поражаешься, как это никто не заметил, что тебя там даже не было!

И так месяцами. Годами. И вот однажды просыпаетесь. Обоссавшись кровью. И работы нет уже девять месяцев. Ранняя отставка. Золотые часы. Приличная премия. Благодарим за службу. И ни один из друзей, коллег или собутыльников не узнает, во что ты превратился.

И Куп посмотрел на меня.

– Даже шафер.

Помню, он не назвал ее имя. Будто его было слишком больно произнести.

Учебный курс алкоголизма – 1955

Наверное, меня всегда тянуло к таким героям, как Куп; из-за моей врожденной стеснительности их яркий свет горел еще ярче. И я увязывался за ними, прятался в их кильватерной струе, барахтался на волнах, смотрел со стороны, пока они шли на риск. Я был тихим парнем в тених, чтобы потом нежиться в отсвете их славы, рассказывать их истории, ничем не рискуя. Меня все устраивало.

Куп был моим капитаном. Я – его последователем. Это он и прозвал меня Бомбой.

И когда Куп выдыхался или просто больше не мог продолжать, он спрашивал обо мне. Я знал, что спросит. После своих бесстрашных монологов он обычно находил время для меня.

Я начал с того, что показывал, как я его понимаю: бухло. Или «Сок Времени», как его звал наш приятель Руди.

Вы же знаете, что алкоголики пьют, чтобы избавиться от времени, да? По-моему, для нас нет ничего страшнее пустого часа.

Меня научил пить мой дядя Боб. У него был низкий рокочущий голос, который всегда начинался с медленно раскатистого гула, как когда заводишь газонокосилку. «У-у-у-ху-х-х, подай-ка „Строс“, Адам». Я делал глоток сам и передавал. У Боба всегда было в избытке гласных, так что слова растягивались, будто он пьян, даже когда трезв. «Хо-ор-о-о-ош „Строс“». «Норма-а-ально-о-о порывачили». «Никто-о-о».

Его философия (которую он заставил меня заучить): «Не беги, если можешь идти; не иди, если можешь присесть; не сиди, если можешь лежать; и не лежи, если можешь поспать». Научил меня силе энтропии. Будешь долго сидеть – и рано или поздно за тебя все сделают другие.

Безотказная система, которая не подводила его годами. Он хорошо устроился на сталелитейке в Сагино, где читал журнальчики и раздавал инструменты из запертой клетки в, наверное, единственном тихом уголке этого шумного и задымленного завода. Возвращался домой с работы, раздевался догола, вскрывал «Строс» и шлепался в ванну. Его жена Грейс суетилась за ним, собирала одежду, поднимала брошенную крышечку от бутылки, спрашивала, что он будет на ужин. Она была робкой серой мышкой, первый муж ее регулярно бил, так что Боб, наверное, казался удачным вариантом.

Я встретил Грейс на его похоронах – она вся расклеилась, обнимала меня, как давно потерянного сына. Ну знаете такую внезапную близость, которой скорбящие награждают тех, кого произошедшее затронуло не так сильно. Грейс схватила меня своей крошечной ладонью и сказала:

– Он был хорошим человеком.

Да не особо, подумал я. Но хотя бы прикольным.

В ее глазах стояли слезы, и мы любовались дядей, лежащим в его светло-голубом костюме, и тогда я решил сказать лучшее, что пришло в голову о покойном Бобе.

– Он был моим любимым дядей.

– А ты для него был вторым, – честно ответила она, кивая на моего двоюродного брата Джонни, который уже выглядел как без пяти минут Боб. – Ему нравилось, что Джонни подносил пиво без напоминаний.

А, так он был его ретривером. А я тогда кем?

– Он говорил, ты умеешь трепать языком. У тебя всегда была какая-нибудь история наготове.

Я улыбнулся.

– А он умел меня посмешить, – сказал я, и это была правда, а заодно вроде утешило ее.

Когда умер мой папа, дядя Боб остался без старинного друга по охоте на оленей, поэтому каждую осень забирал меня еще до первого света и мы гнали 250 километров на север, в его охотничьи угодья. Мне было девять, а Боб был обычно либо с похмелья, либо все еще пьяный, поэтому просил что-нибудь рассказывать, чтобы не вырубиться за рулем. Я три часа подряд болтал без умолку – пересказывал комиксы о Серебряном Серфере, романы, которые я читал, «Жизнь Бейба Рута», «Жизнь Тая Кобба», а когда кончался материал, я начинал сочинять сам.

И только много лет спустя до меня вдруг дошло: я был в ужасе. Иногда его тяжелые веки опускались, машина виляла – и мне приходилось орать: «И ТОГДА ПРИЗРАК ОТКУСИЛ РЫЦАРЮ БАШКУ И ВЫПЛЮНУЛ В ОЗЕРО!» И Боб вздрагивал, возвращался обратно по правую сторону от желтой черты и косился на меня.

– У-у-у-у-уххх, что-то не помню никаких призраков, – ворчал он.

– Это ты невнимательно слушал, – говорил я.

После всплеска адреналина его хватало еще километров на пятьдесят, а потом он начал опять клевать носом, и я прибежал к: «НАГАЯ БОГИНЯ БРОСИЛА СВОЕ ЗОЛОТОЕ ПЛАТЬЕ В ПЛАМЯ!»

Он дергался и говорил что-нибудь типа: «Ооооо, богиня?» А я придумывал, как встроить этот эпизод в сюжет.

Потом мы шли до нашей лежки в лесу, где дядя Боб занимал свой трон, укладывал ружье поперек коленей и откидывался на упавшее дерево в своей оранжево-коричневой охотничьей форме. Прическа у него была как у меня – полубокс с чубчиком на челке, придающим характер. Я пристраивался рядом, он угощал своими сигаретами «Тейритон». Я кашлял, а он злодейски хихикал. Было свежо – типичный осенний день в Мичигане, когда так и знаешь, что кто-то где-то выйдет погонять в футбол.

Мы всегда возвращались на одну и ту же лежку, куда он ездил еще с моим папой. Ферма к северу от Гейлорда, лес на краю кукурузного поля. Меня охота не интересовала. Но нравился Боб. И нравилось выбираться из дома, чтобы не слушать, как мама рыдает весь день напролет. Да и для Боба охота тоже была скорее поводом. Ни разу за все пять лет не видел, чтобы он что-то подстрелил. Для него это была возможность воспользоваться правом мужчины взять два ящика «Строса» в лес на севере и нажраться, чтобы при этом не пилила жена.

Он все утро сидел и наблюдал за птицами; я читал или рисовал рожицы в блокноте, а Боб пил и дремал; когда заходило солнце, он палил три раза в небо. И хихикал. Этот момент мне нравился больше всего.

Этот – и чтение.

Так бы там и сидел, погрузившись в книжки и рисунки. Мне хотелось, когда вырасту, рисовать комиксы. Монстров там. Супергероев. Особенно я любил лица. Начал рисовать их карандашом на картонных крышечках бутылочек из-под молока, которые нам давали на школьный обед.

– Это кто? – спрашивал Боб, склоняя голову на бок и приглядываясь к очередному рисунку.

– Не знаю, – говорил я. – Просто рисую лица. – Рисовать портреты я так и не научился.

Это стало нашей привычкой. «Это кто?» – спрашивал он, и мы оба знали ответ.

Время от времени он просил почитать вслух. Кажется, ему это нравилось, хотя время от времени он зевал и говорил: «Оооооааа что-то скучновато, Адам». И как бы перекидывал ствол ружья в мою сторону. И я тогда особенно старался, чтобы слова так и пели, доводил уровень эмоций до оперного, и тогда Боб довольно кивал и щадил меня. Конечно, на самом деле он бы меня не пристрелил; я практически уверен.

Читал я книжки старше своего класса. У меня был неконтролируемый доступ к книжкам в мягких обложках моего папы – включая все романы Джона Д. Макдональда о Трэвисе Макджи. «Кошмар в розовом». «Расставание в голубом». «Одинокий серебряный дождь». Дяде

Бобу они нравились, особенно самые знойные эпизоды. Он всегда говорил, что от лесного воздуха и бухла у него так и зудит. Олениху бы сейчас. Ну и все такое.

Много лет спустя я понял, что эти истории были единственным проблеском культуры в жизни Боба. Он смотрел матчи «Тигров» по телику, бухал с друзьями в баре, каждую неделю ходил в церковь с Грейс и слушал проповедь из Библии, но жизнь у него была довольно ограниченной. Ни просвета истины или красоты, ни намек на искусство. Наверное, я заполнял для него вакуум, так что в конце концов он был благодарен.

Потом я понял, что Боб просто не выносил скуки. Наверное, потому и пил. Для алкоголика скука – это пустая воронка, которая притягивает всю тьму, как черные дыры втягивают материю. Если ты трезвый и тебе скучно, глазом моргнуть не успеешь, как к тебе выстраиваются для разговора по душам все прошлые ошибки и проступки. Неудивительно, что священники пьют. Сидят взаперти в темной исповедальне, в ожидании, когда незнакомцы раскроют им свои худшие стороны. Это готовое описание ломки в двух словах, а любой здравомыслящий алкоголик быстро ее запивает.

– Ад, – согласился со мной Куп.

– Ад. Беспросветная тьма. Почти физическое, липкое ощущение, как тонешь сам в себе.

Короче, я говорил про ружье, пиво и как читал вслух. Такая краткая схема наших поездок.

Однажды я спросил Боба, каково ему в браке. В глазах у Боба промелькнуло выражение чистой искренности – я такое уже отлично знал. Значит, будет вешать лапшу на уши. Он улыбнулся и ответил:

– У-у-у-у-ухххх... ну... Лучше не бывает.

– В последние недели он не поднимался с постели, – рассказывала мне на похоронах Грейс. – Вколол себе два шприца морфина. Потом сказал: «Иди сюда, милая, я тебя обниму и скажу, как я тебя люблю».

Она так задрала нижнюю губу к носу, что казалось, будто у нее нет зубов.

– Я так и сделала. Мы так и сделали. Он так и сделал. А потом умер.

Может, это они еще неплохо устроились: собутельники противоположного пола. Но не знаю. Получше, чем у многих, наверное.

Куп молчал.

Я навсегда запомнил дядю Боба, как он вставал, будто для него это большой труд, кряхтя на каждом движении, тушил сигарету в горе окурков у ног и уходил отлить, пропадая в лесу. Скоро слышался громкий протяжный пердеж, потом короткая пауза, а потом – злодейский смешок Боба.

– Но ты так и не рассказал, как он научил тебя пить, – сказал Куп.

– Не рассказал? Он со мной делился. Иногда даже давал мне целую банку. Или не возражал, если я сам брал. Я напивался с одной.

Я посмотрел на Купа.

– Все время, что я был с ним, я был пьян.

Оче-сука-видно – 2018

Я заметил, что Куп смотрит на мое лицо.

– Чего?

– Я и забыл, что у тебя шрам на губе. – Он потерял свою верхнюю.

– Та авария.

Куп поморщился.

– Но мне нравится. Делает тебе человечнее, несовершеннее.

Я скривился. Кто тут совершенный? Это я-то? Это Куп у нас – перфекционист. Что он вдруг несет?

– В последний раз, когда мы говорили, ты устраивался на госслужбу.

Я не стал упоминать, что его внезапное и многолетнее молчание сильно меня задело. Очевидно, я в нем нуждался намного больше, чем он – во мне. Если Уинстон Куп – комиксовый герой, то я – доктор Ватсон. Он – поэзия; я – самая унылая проза. Я не был сказочно одаренный, не обладал дьявольским обаянием, немногого достиг; девушки на меня и не смотрели. Зато я был надежен. Рабочая лошадка. Моя карьера фотографа, может, и не полна шедевров, зато я работал на совесть: свадьбы. Выпускные. Семейные портреты. Я был, что называется, «убежденный холостяк». Очевидно, мне было суждено увековечивать лучшие моменты жизней, которые я не жил. Я проработал в одной компании десятки лет. Но ни разу не просиял, ни разу не был звездой, тем парнем перед всей комнатой, в лучах софитов, окруженным овациями. Да и не больно-то хотелось. Мне всегда казалось, что такие парни – пустозвоны, которые под конец жизни болтают без умолку в барах. Они собирали последователей, а не друзей, толкали речи, приковывали к себе все внимание, а когда кончались аплодисменты – а аплодисменты всегда кончаются, – выглядели довольно одиноко. Как вот Куп, например. И много лет я думал, что его постигла та же судьба. Это даже утешало.

– О чем мы говорили в последний раз? – Куп нахмурился. – Освежи-ка память.

– Сорок пять лет назад? Ты позвонил мне по межгороду, сказал, что ты в армии и не знаешь, когда снова выйдешь на связь. Казалось, ты нажрался. Пробило на ностальгию?

– А, да. Логично. Вообще, это было после Вьетнама.

– ЦРУ? Языки или что-то типа? – сказал я.

– Что-то типа, – отозвался он кисло.

– Я однажды встретил одноклассника, и он сказал, что ты ремонтируешь телики.

Куп усмехнулся.

– Мне это еще показалось странным. Так чем ты занимался на самом деле, Суперзвезда?

Он это стерпел. Заслужил. Обоим было понятно, что мы немало покатались на поезде неудачников.

Но потом его пауза заполнила комнату, как молчание после неудачного анекдота. Почему? Куп уже несколько дней делился самым сокровенным. Что такое-то? Только что излил душу, доверил самый худший кошмар. А теперь вдруг секретничаем?

Тогда это было даже смешно. Два старинных собутельника на закате лет делятся байками из боевого прошлого. Нам обоим было семьдесят три. Давно прошло время отрицаний и оправданий. Нам, насколько я знал, уже не сражаться на войнах, не покорять горы. Жизнь осталась в зеркале заднего вида, какие уже теперь драмы и сожаления. Вот я был балбес.

– Уинстон? Ну чего?

О, если бы это было так просто. Смотреть в машине на старинного друга на соседнем сиденье и думать: «А все это и правда помогает. Кажется, он приходит в себя».

Теперь меня передергивает от воспоминания.

Знал бы я то, что знаю теперь, – сказать, что я бы сделал? Вежливо бы попросил его проверить заднее правое колесо – а то вроде что-то приспустило. А когда бы он вышел, втопил бы педаль, рванул, разбрызгивая гравий и слякоть, и оставил его стоять на двухрядном проселке в морозный день в середине января, в мичиганской глуши. В рекордно холодную зиму за десятилетия.

Даже бы в зеркало не взглянул. Даже не вернулся бы к себе в квартиру собирать манатки. Сразу уехал бы как можно дальше и быстрее. Может, в Канаду. За мост Блю-Уотер. Нашел бы город, чтобы в нем раствориться. И никогда, до самого конца своей сраной жизни больше не произнес бы имя Уинстон Куп.

Но он же мой друг.

У него беда.

А я – балбес.

Вот я и задал самый обыденный вопрос. Чтобы вернуться к норме. Чтобы выбраться из опасных вод жизненных неудач. Я спросил, где он работал.

Заиграла песня Гарета Диксона «Два поезда»³. Успокаивающая. Мягкая. Просто идеально, думал я.

Он пожал плечами и ответил:

– Я был коллекционером. Специализировался на памяти. Или забвении. Уже сам не знаю. Я видел, с каким облегчением он это сказал. Сколько он держал это в себе?

– Можешь рассказать?

– Ну теперь-то, видать, придется. Из-за того, что не рассказывал, я и закончил так, как закончил.

– Ты не просил налить.

– Я уже год не пью. А ты?

– Тридцать.

– Ночь, когда ты меня подобрал, – это мой первый запой с тех пор, как я завязал.

Мы помолчали. Он подлил себе еще кофе из термоса, поправил старый красный халат, которым я с ним поделился, и уставился в окно. Снаружи было где-то минус двадцать шесть. Мы неслись по писаному белым по белому пейзажу – поля сменялись разреженными лесами, порой мелькала темная ферма. В каком-то смысле это был спокойный, мирный момент.

Скоро вся моя жизнь перевернется. Как вспомню, так вздрогну.

Куп сказал:

– Я тебе никогда не рассказывал, как с ней познакомился?

³ Two Trains, Gareth Dickson, 2005.

Выход – 1972

– Какого черта они делают?

Вот что подумал Куп, когда впервые его прочитал.

Это было длинное уравнение мелом на доске. Опасность не крылась в цифрах. Она подразумевалась. Как поля страницы подразумевают, что в них заключена история. Как что-то скрывает знак «Не входить». Или как стена намекает, что по ту ее сторону что-то есть.

Куп наткнулся на уравнение во время своей ориентации на базе, когда его руководитель, британец доктор Джонсон, забежал в лабораторию за папкой с документами.

Они вошли в темное помещение. Джонсон включил свет. И потом, когда Куп узрел цифры на доске, его болтовня затихла на заднем плане.

Большинству бы это показалось чепухой – ну, уравнение и уравнение. То, что Куп оказался одним, наверное, из сотни людей на планете, которые могли понять его смысл, – явно неслучайное совпадение. А то, что он единственный, кто может его решить, тогда знал только Куп – и то лишь в виде смутного постепенного осознания, что ответ лежит где-то у края его луча света в мире, на грани тьмы.

Когда они уходили, Джонсон заметил его внимание.

– Ах, это. Да, загадочка. Совет на заметку. Не стоит открывать такие двери.

– Почему? – спросил Куп.

– Почему? – Доктор Джонсон посмотрел на него, как на ребенка, который спросил, почему нельзя прыгать в бездонную пропасть. – Дорогой мой мальчик. Потому что иногда это только вход. А выхода нет.

Куп только улыбнулся, отметив про себя его британский акцент.

Почти всю первую неделю ориентации ему объясняли, чего не замечать, о чем не задавать вопросов, чего не знать. Правила базы. Никуда не ходить без зеленого, синего или белого бейджика. Не спрашивать о странных звуках. Не спрашивать о Четырех Главных. Не заглядывать в конструкторские хранилища. Ангары прототипов. Держаться подальше от медчасти. Всегда вводить код на вход и на выход. Если надо о чем-то спросить, никогда не спрашивай в письменной форме. Всегда – за закрытыми дверями. Вопросы опасны.

– Не выходи за черту.

Вот священное правило базы. Цветная геометрия для всего этого гигантского объекта (целого музея Гуггенхайма, вкопанного в пустыню вверх ногами), которая диктовала передвижения и допуски.

Зеленая линия – инженеры.

Синяя – медики.

Белая – научные разработки.

Линии охранялись солдатами.

Но он заметил, что его рекрутер, Человек В Синем Костюме, никогда не носил удостоверения или бейджика. Никогда никому не отвечал. Плевать хотел на все линии.

Хочу быть как он, подумал Куп.

Через неделю он спросил доктора Джонсона, кто работает над тем уравнением. Джонсон посмотрел на него так же, как в первый раз.

– Это только для Глаз.

Ох уж этот жаргон.

– Это для Своих. Темное Джуджу⁴.

– Ну ладно вам. Кто?

⁴ Джуджу – термин из африканской магии.

– Кейти.

То еще были времена, когда все мужчины откликались на фамилии, а женщины – на имена.

Кейти была высокоуважаемым ученым, доктором медицины и капитаном воздушных сил, которую он иногда замечал в столовой, читающую роман и грызущую зеленое яблоко. Она ходила по синей линии, так что носила лабораторный халат и синий бейджик: медик. Красная оправа ее очков так и бросалась в глаза.

Однажды он положил рядом с ее красным лотком зеленое яблоко, поставил на стол свою большую белую кофейную чашку и сел рядом.

– Ты новенький.

Он улыбнулся; значит, замечала.

– Тебе что, восемнадцать? – спросила она.

– Двадцать семь. Но спасибо. Я надеялся, тебе понадобится математик.

Она посмотрела на него.

– Я хорош.

– Знаю. Я читала твое досье. Там сказано «Языки».

Так она его знает! Он улыбнулся и ответил:

– Я полимат.

– Тогда почему занимаешься кодами?

– Я и в этом хорош.

– Коды – это тупик. Противоположность науки. Делать знание менее познаваемым.

Он уже немного влюбился в нее – прямо там.

– Я видел доску.

– Доску.

– Доску в кабинете. Ты знаешь, какую. Такая головоломная загадка, что ее даже можно не прятать. Она сама себе маскировка.

Она обвела его взглядом.

– Это такой умный способ сказать, что ее никто не понимает?

– Ага.

Она сняла красные очки и пожевала кончик заушины.

– Ну вообще-то и правда умно.

– Я так и думал.

– Что делаешь в три?

В три они вместе стояли перед доской и молча изучали цифры.

– Это физика. При чем тут медики?

Она замкнулась так резко, что ему послышался стук двери.

– Ты имеешь в виду – что здесь делаю я?

Он поморщился, как от боли.

– Надо было выразиться лучше.

– Уж наверное.

– Прости. Когда это произошло? – спросил он.

– Незадолго до конца войны.

Потом они молча сидели в углу лаборатории и пили кофе из белых чашек.

– Значит, они случайно сделали дверь.

– Можно сказать и так.

– Дверь куда угодно.

– Примерно. Вообще-то так они это и называют. Где Угодно.

– И теперь не могут закрыть?

– В целом да.

- Ну, надо сказать, это было охренительно глупо.
- Нет, – ответила Кейти. – Это было потрясающе. Глупо было дальше.
- И что было дальше?
- Она посмотрела на него.
- Какого цвета у тебя глаза?
- Мне пофиг. Что было дальше?
- Это только для тех, кому надо знать.
- Мне – надо.

От того, как она на него посмотрела в ответ, у него запело все тело. Он надеялся, что сумел это скрыть.

Подписали бумаги. Дали одобрения. (Самое скучное Куп пропустил ради меня.)

- И что было дальше? – повторил он свой вопрос.
- Мы смогли достаточно уменьшить портал, чтобы увезти от «Тринити».
- «Тринити»?
- Эпицентр взрыва. Первый атомный полигон. Что тут смешного?
- Прости. Потом расскажу.
- Иногда это темное окно. Иногда – дверь. Однажды кто-то забросил туда кошачий хвост – бог весть зачем, – а вернулась уже змея.
- Ее голос слегка повышался; он не осознавал маниакальных ноток.
- погоди, – сказал Куп. – Стоп. Значит, через него может пройти живая материя?
- Очевидно.
- Это же главное открытие...
- ...в истории мира. Да. – Она долго смеряла молодого человека оценивающим взглядом. – Готов сделать это трудом всей своей жизни?

– Еще как!

И когда увидел ее реакцию, влюбился уже по-настоящему.

- Боже, ты как маленький мальчик. Даже не задумался.
- Капитан. Я не думал ни о чем другом с тех пор, как увидел доску.
- Труд твоей жизни. Всей жизни, Куп. Потому что может потребоваться и это.

Молодой человек подумал: сейчас она скажет что-нибудь офигительное. Сейчас скажет, что ей сто лет. Скажет, что в портал может войти только она. Что она Третья Кейти. Что каждый раз, как возвращается, она новая Кейти. Скажет...

- Эй. Придунок. Повнимательней.
- Я тут, – ответил он, приходя в себя.
- А хочешь... посмотреть?

Пришлось долго-долго идти по длинной белой линии, по бесконечному зеленому коридору, который все заворачивал, заворачивал и заворачивал. Мимо четырех странных стеклянных будок с охранниками. На полпути Куп сказал:

- Прямо как Фрэнк Ллойд Райт проектировал.
- Кейти посмотрела на него.
- Так это Фрэнк Ллойд Райт и проектировал?
- Втайне.

И вот они стояли перед дверью с надписью красными буквами: «Уборщик». Она посмотрела на свои часы.

- Чего мы ждем? – спросил Куп.
- Долгое пневматическое шипение с той стороны.
- Этого, – сказала Кейти.

Они вошли в темный чулан. Запахи чистящих средств и сырых губок не могли отвлечь от того, как себя чувствовало все его тело: они с ней еще никогда не были так близко. Он ощущал аромат ее шампуня. Оказалось, чулан – это лифт, уходящий вниз на бог знает сколько этажей.

– Ты везде таскаешь эту стремную белую чашку? – спросила она. Куп поднял ее в шуточном тосте.

– Практически.

Когда лифт наконец открылся, она помедлила на пороге и сказала:

– Ближе подходить не стоит.

– Нет?

– Нет. Иди сюда.

Он стоял рядом с ней и смотрел в очередной зеленый коридор с белой линией. В пятнадцати метрах от них находилась зеленая дверь странной формы. Перекошенная, будто ее навсегда сдвинуло с места землетрясение. С дверью что-то было не то.

– Когда ты успела накраситься синей помадой? – спросил Куп.

Кейти улыбнулась, но не ответила.

– Твой начальник сказал, что ты должен это увидеть. – Она воскликнула: – Готовы!

Стоя рядом с ней в дверях, Куп не мог не заметить, как зеленоватый оттенок стен коридора оттенял пушок на ее щеках. Он понимал, что пялится; гадал, как она отреагирует на его восхищение. Может, примет за похотливое и неуместное в ее научной жизни. Надеялся, что когда-нибудь она так же посмотрит на него.

(Это мне напомнило, что я сам однажды сказал Купу о девушке, в которую влюбился. «Когда она на меня не смотрит, меня будто нет». Забавно. Не помню ее имени.)

– Сосредоточься, обалдуй, – сказала Кейти.

Куп улыбнулся и усмехнулся.

Потом дверь в конце коридора с шипением открылась, и из нее вышел ошарашенный и моргающий ребенок в старомодной белой ночнушке. Увидев Купа, он помахал бледной ручкой. Куп помахал в ответ. Потом ребенок увидел зеленую дверь и охнул, и побежал к ней. Дверь не открылась, но ребенок промчался прямо сквозь нее и исчез.

Потом Куп спросил:

– Дверь в другое измерение?

– Что это вообще значит? – спросила Кейти.

– Знаю. Уже сам понял, что глупость ляпнул.

– Мы не знаем, что это.

– Параллельные миры?

– Мы не знаем.

– У меня прям мурашки по коже.

– Меня в первый раз стошнило, – сказала Кейти.

– Зачем правительству дети?

Она посмотрела на него.

– Что ты видел в коридоре?

– Ребенка в ночнушке. А что видела *ты*?

– Маршмэллоу размером с табуретку. Не переживай. Кто-то видит кошек. Они для всех разные.

– Они?

– ВД. Не валяй дурака. Синий Человек сказал, что ты их уже видел. Мы называем их ВД.

– ВД, – повторил Куп.

– Да. Это значит...

– Воображаемый Друг.

– Точно.

– Мой был совсем не такой.

Кейти улыбнулась при виде его все еще ошеломленного выражения лица и сжалась.

– Ну ладно. Вот что нам известно. Это местный биологический вид. Вероятно, существует столько же, сколько и люди. Симбиоты с необычной формой камуфляжа.

– Погоди-погоди-погоди, – сказал Куп.

Она подождала. Досчитала до десяти.

– Ладно, давай дальше.

– Обычно ВД просто исчезает, когда вырастает ребенок, или прикрепляется к другому ребенку. Насколько мы поняли, атомная бомба их проявила. В тот день тысячи ВД стали «реальными» – что бы это ни значило. Портал их пробудил.

– То есть та странная дверь.

– Тогда они и вышли на свет. С того дня это стало меккой, которую стремится посетить каждый ВД, совершить паломничество. Никто не знает, зачем.

– А они не оттуда?

– Что ты не понял в словах «местный вид»?

– А что по ту сторону?

Кейти пожала плечами.

– Мы только знаем, что чем ближе они к порталу, тем больше теряют свой камуфляж.

Мы это называем «Выход».

– Погоди. – Куп поднял руку и скривился.

Она улыбнулась и опять досчитала до десяти.

– Капитан? Это...

– Безумие?

– Я хотел сказать «полный трюндец».

– Наверное, можно было придумать название и получше.

Он уставился в ее расширенные зрачки.

– Я не про название.

– Я знаю.

– Можно серьезный вопрос?

– Конечно.

– Ты хотела бы провести со мной ночь?

– Да.

– Да?

– Да.

Через два месяца они поженились.

И были счастливы, потом нет, потом опять счастливы. И так много лет. Детей у них не было. Но они создавали вместе нечто особенное. И создали. А потом потеряли.

– 2018

Наверное, это клише – уделять особое внимание финалам, выбирать всего один яркий момент из целой колоды и делать вид, будто он особенно значителен. Но удержаться от этого трудно. В одно из их последних мгновений вместе я видел, как Куп снова любит подсвеченным пушком на ее щеке с тем же изумлением и восторгом, что и во время описания их первого посещения жуткого зеленого коридора. Резкий свет из окна бара отражался от белой гармошки, которую кто-то оставил на стуле; озарял серебряные крылья на ее погонах и ее лицо. Хотя Куп знал эту щеку десятки лет, он будто увидел ее впервые, будто это иллюзия, оптический обман, видимый только в редких и особых условиях. Когда мы кого-то теряем – кого-то настолько близкого, как возлюбленная, – нам остается неразрешимая загадка. Наверняка он не раз задавался вопросом: а знал ли я ее на самом деле?

А знаете, что самое странное? Знаете, о чем я не подумал, когда Куп рассказывал этот бред? Я ни на секунду не подумал: у моего старинного приятеля Купа поехала крыша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.